

риод творчества имеется в виду. На современных советских поэтов преимущественное воздействие имели традиции Некрасова 60—70-х годов, его большие эпические жанры, а на Блока, например, его традиции 40—50-х годов и лишь в «Двенадцати» прозвучал голос автора поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

В целом же книга Н. Степанова — интересный и ценный труд, который поможет разработке таких актуальных проблем литературоведения, как изучение традиций и новаторства, и связей классической литературы с современной поэзией.

Н. ГАЙДЕНКОВ

«ГЛАВНАЯ КНИГА» ГЕРЦЕНА *

Можно ли в небольшой книжке раскрыть безграничное богатство многотомной эпопеи — художественных мемуаров Герцена, показать величие писателя и мыслителя, идеи и герои которого уже более ста лет волнуют всякого, кто обращается к его страницам? С такими мыслями берешь в руки книгу Лидии Чуковской о «Былом и думах».

Л. Чуковской удалось успешно решить главную задачу, которая стояла перед ней, — она сумела передать образ героя мемуаров — личность самого Герцена. Со страниц книги встает Герцен — живой человек, весь в движении, весь в действии, трагически переживающий поражение революции и гибель близких, активно ищущий решения кардинальных вопросов истории и революционной теории, мечтающий о свободе своей Родины и отважно выступающий с вольным русским словом за освобождение народа.

О работе Герцена над его мемуарами Л. Чуковская говорит как о настоящем подвиге писателя, подвиге мысли и чувства. Она показывает, как рождался и созревал замысел произведения, как из задуманного

рассказа о страшной семейной драме, которую пришлось пережить Герцену, его мемуары превратились не только в автобиографию писателя, но в многоплановую книгу «колоссальной емкости», в книгу «по истории XIX века».

Если бы Л. Чуковская задалась целью уложить в небольшую книжку *все* содержание необычайных по размаху и масштабу мемуаров писателя, она никогда бы этой цели не достигла. Автор избрал для себя другой путь: передать дух и своеобразие книги Герцена. Для этого необходимо было осмыслить сложную, противоречивую эпоху, в которую жил и творил революционер и мыслитель Герцен, вжиться в нее, изучить в деталях биографию писателя и понять особенности его художественного мастерства.

Касаясь начального замысла «Былого и дум» как «мемуара о своем деле» — разрыве Герцена с Гервегом, — Л. Чуковская убедительно обосновывает неизбежность обращения писателя к повествованию об увиденном и пережитом, о всем том, что составило содержание первых пяти частей герценовских мемуаров. События русской истории и общественной жизни, свидетелем которых был молодой Герцен, драматические эпи-

* Лидия Чуковская, «Былое и думы» Герцена. Массовая историко-литературная библиотека, «Художественная литература», М. 1966, 183 стр.

зоды революции 1848 года в Европе, которые пришлось пережить писателю,— все это проходит в книге Л. Чуковской как впечатляющие картины, оказавшие воздействие на формирование идейного мира художника, на созревание его революционного самосознания.

Л. Чуковская подчеркивает ту характернейшую особенность герценовских мемуаров, которая нашла свое воплощение в неповторимом «единстве частного и общего, личного и общественного», что возвышает создание Герцена в ряду других произведений подобного жанра.

Выдающуюся заслугу Герцена Л. Чуковская справедливо видит в создании непревзойденной галереи портретов. «В характеристике людей, с которыми он сталкивался, у него нет соперников»,— напоминает она слова Тургенева. При этом автор отмечает мастерство писателя, которому с одинаковой степенью выразительности удавались как «портрет во весь рост», так и «набросок, беглый очерк, профиль, силуэт, сделанный как бы на полях, как бы мельком». В центре внимания писателя, пишет Л. Чуковская, оказались «портреты героев, осмелившихся своим словом стать поперек власти», таких, как Чаадаев, Белинский, Грановский. Исключительное место в книге Л. Чуковской занял созданный Герценом образ Белинского. Она показывает, как детально лепит Герцен портрет Белинского, и особо подчеркивает великое историческое значение созданного Герценом первого по времени образа Белинского, «наложившего свою печать на все последующие». К сожалению, Л. Чуковская почти не отвела места облику верного соратника Герцена — Огареву, которому Герцен посвятил свое произведение, считая, что об Огареве, наряду с

Н. А. Герцен, «более всего говорится» в его мемуарах.

Автор книги не уходит от сложных вопросов, которые ставит Герцен в своих мемуарах, и не решает эти вопросы упрощенно: мысль Герцена освещается диалектически, во всех ее противоречиях, борениях, поисках. Ей удалось оттенить одну из существенных особенностей Герцена как художника-мыслителя, который воплощал в «Былом и думах» свои мысли, идеи в образах и умел всякую отвлеченную мысль пропитать художественной конкретностью. Автор книги постоянно старается раскрыть поэтичность мемуаров Герцена, «отчетливость ритмического движения» его классической прозы.

Много важных вопросов идейного, революционного и творческого пути Герцена поднимает Л. Чуковская в своей книге. Может быть, неизбежной краткостью изложения можно объяснить некоторую неполноту в освещении тех или иных вопросов, в частности, в оценке теории «русского» социализма, основоположником которого был Герцен и в которой, по словам В. И. Ленина, «нет ни грана социализма». Вряд ли можно согласиться с автором книги, что характеристика революционеров 60-х годов, как «молодых штурманов будущей бури», у Герцена «звучит почти иронически». Величие Герцена в том и состояло, что, несмотря на свои идейные расхождения с представителями «молодой эмиграции», он прекрасно понимал, что именно этому новому поколению революционеров принадлежит будущее.

Остались неразрешенными (даже в самой общей форме) и спорные проблемы текстологии «Былого и дум», правда, это и не могло входить в задачу автора книги. Конечно, академическое издание, во многом при-

близившееся к решению сложных текстологических вопросов мемуаров Герцена, не привело к установлению окончательного состава и композиции «Былого и дум». Поэтому кажется некоторой натяжкой, когда Л. Чуковская рассматривает, например, «Дополнение к «Былому и думам» — «Старые письма», опубликованные Герценом в 1859 году, то есть раньше, чем были написаны многие главы мемуаров, — как один из «концов» «Былого и дум», только потому, что в академическом издании этот раздел напечатан после последней, восьмой части.

Круг читателей мемуаров Герце-

на, к сожалению, до сих пор еще ограничен. Книга Л. Чуковской приближает сложное, многогранное произведение Герцена к массовому читателю. «Былое и думы» прочитаны в этой книге не столько историком литературы, сколько заинтересованным в судьбах сегодняшнего дня писателем. Книга Л. Чуковской написана на одном дыхании: она полна большой любви к создателю «Былого и дум» и желания, чтобы каждый мыслящий читатель обратился к вечно живому источнику одной из лучших книг русской и мировой литературы.

И. ПТУШКИНА

ЭМИНЕСКУ, 1965*

Точный перевод заглавия этой книги звучит несколько сухо: «Исследования об Эминеску». Но порумынски в словах «*Studii eminesciene*» содержится высокая поэзия и эмоциональность. «Мы ощущаем сильнее, чем когда бы то ни было, — пишет во вступительном слове Михай Бенюк, — как возрастает наша любовь к поэзии Эминеску, а свет его слова, подобно магниту, притягивает нас». Это чувство объединило на страницах книги тридцать различных авторов, принадлежащих к разным поколениям. Для двух из них, академиком Г. Кэлинеску и Т. Виану, она явилась последней книгой. Другие, как З. Думитреску-Бушуленга и Е. Симион, только недавно приобщились к литературе.

Об Эминеску немало писали в буржуазной Румынии. Пришлось переоценить многие ценности, отказаться

ся от устоявшихся мнений, чтобы представить Эминеску очищенным от тенденциозных наветов и измышлений.

Недостаток места не позволяет обстоятельно рассказать обо всем; останемся лишь на двух сложнейших вопросах — философские взгляды и пессимизм поэта.

Авторы далеки от мысли отрицать очевидную приверженность Эминеску к идеалистическим концепциям. Известно, что в творчестве поэта находят отзвуки «шопенгауэризма», что Эминеску писал о немецком философе, выступал в его защиту и разделял некоторые его идеи. Значение этих фактов в биографии поэта раньше неизмеримо преувеличивалось. Сейчас же авторы, показывая, как Эминеску в своем мучительном стремлении к истине и гармонии воспринял некоторые идеи Шопенгауэра, заимствовал «стиль и тематику хмурого идеализма», вместе с тем убеж-

* «*Studii eminesciene*», EPL, Bucu-reşti, 1965, 766 p.